

Германцы, их бытъ и союзы.

Вопросъ о происхожденіи германскихъ племенъ въ современной научной постановкѣ.—Теорія о происхожденіи семьи и собственности у первобытныхъ народовъ (матріархатъ и патріархатъ) и разбогъ ея.—Характеристика жизни германцевъ по даннымъ Юлія Цезаря и Тацита.—Взаимотношеніе между германцами и римлянами: а) вліяніе Рима на германцевъ; б) образованіе новыхъ союзовъ среди германскихъ племенъ, ихъ борьба съ римской имперіей и окончательные итоги

Въ то время какъ римская имперія доживала послѣднія минуты своего историческаго существованія, на сѣверо-востокъ Европы все болѣе и болѣе усиливалось движеніе, которое должно было нанести послѣдній ударъ Риму. Сѣверо-востокъ Европы остается тою частію нашего материка, куда римское оружіе тщетно пыталось проникнуть въ теченіи цѣлыхъ столѣтій. Не гоняясь за мелочною точностію, границами римской имперіи въ Европѣ можно положить со стороны Галліи—Рейнъ, со стороны греческаго юга—Дунай. Правда, эти рѣки представляли собой очень малое препятствіе для императорскихъ когортъ, и въ счастливые моменты военной исторіи римскіе полководцы заходили со своими войсками далеко за Рейнъ,—даже до береговъ Эльбы, но прочно утвердиться въ зарейскихъ и задунайскихъ провинціяхъ имъ никогда не удавалась. Причинами этого служили отчасти географическія и климатическая особенности европейскаго сѣверо-востока, отчасти варварскій способъ войны со стороны населявшихъ его племенъ. Если окинуть однимъ общимъ взглядомъ тогдашнее пространство, лежавшее за Рейномъ и Дунаемъ, то мы увидѣли бы одинъ неизмѣримый лѣсъ, надъ однообразной поверхностью котораго возвышаются горы, подобныя

лѣсистымъ островамъ. Обильныя воды, катящіяся въ большихъ рѣчныхъ бассейнахъ и впадающія въ море среди пустынныхъ береговъ, не вносятъ почти никакого оживленія въ эту монотонную лѣсную картину. Можно было бы подумать, что эта часть Европы представляетъ собой необитаемую пустыню, если бы просѣки, новилы и поселенія, разсѣянные кое-гдѣ, не свидѣтельствовали о присутствіи человѣческой руки. „Кто рѣшился бы бороться съ опасностями,—спрашиваетъ Тацитъ,—и оставить Азію, Африку или Италію, чтобы переселиться въ Германію, эту необработанную страну, съ суровымъ небомъ, мрачною и дикою наружностью?”

О населеніи отдаленнаго Востока этого лѣсистаго пространства римскія писатели не имѣли почти никакихъ свѣдѣній; болѣе обстоятельныя извѣстія они сообщаютъ о германскихъ племенахъ, своихъ ближайшихъ пограничныхъ сосѣдяхъ, съ которыми они пришли въ столкновение еще во времена до христіанскія, но эти свѣдѣнія относятся лишь къ современному имъ быту германцевъ, а не къ ихъ прошлому. Происхожденіе германскихъ племенъ, какъ и вообще доисторическая жизнь народовъ, теряется въ той сказочной дали времени, тайны которой доселѣ неутомимо пытаются разсѣянить изслѣдователи нашихъ дней. Благодаря сравнительному языковеденію и сравнительной миѳологіи, оказавшимъ, какъ извѣстно, важныя услуги въ дѣлѣ разсѣянія доисторическаго мрака, стало несомнѣннымъ, что германцы составляютъ отрасль т. н. индогерманской или арійской семьи народовъ, которая обнимаетъ, кромѣ нихъ, иранцевъ, грековъ, римлянъ, славянъ и кельтовъ. Но гдѣ была первоначальная родина этихъ народовъ,—этотъ вопросъ съ недавняго времени сдѣлался предметомъ горячихъ споровъ среди ученыхъ, занимающихся разясненіемъ до-исторической судьбы племенъ и народовъ. Не болѣе, какъ лѣтъ тридцать—сорокъ тому назадъ было общепризнанной истиной, что родину германцевъ, какъ и всѣхъ другихъ арійскихъ народовъ нужно искать въ средне-азіатской возвышенности, надъ которою поднимаются Индуку,—съ двумя берущими въ ней началъ рѣками, Индомъ и Оксусомъ,—при чемъ переходъ германцевъ изъ Азіи въ Европу полагался приблизительно на полторы тысячелѣтія ранѣе нашей эры. Быстрые успѣхи до-исторической археологіи и антрополо-

тин,—наукъ, недавно появившихся на свѣтъ,—значительно ослабили твердость этого общепринятаго мнѣнія, основаннаго главнымъ образомъ на данныхъ лингвистики. Особенно любопытными въ этомъ отношеніи оказываются выводы антропологіи; антропологія раздѣляетъ современныхъ обитателей Европы на два типа—длинноголовыхъ и круглоголовыхъ, изъ которыхъ каждый въ свою очередь распадается на два разряда—мелкорослыхъ и черноволосыхъ съ одной стороны, и высокорослыхъ и бѣловолосыхъ съ другой, и доказываетъ, что эти два типа непрерывно существуютъ въ Европѣ съ самыхъ незапамятныхъ доисторическихъ временъ, такъ что составъ обитателей Европы, по-видимому, не измѣнился за все то время, когда должны были сложиться арійскіе языки. Поэтому, если въ Европу и являлись дѣйствительно какіе-либо новые пришельцы изъ Азіи, то они не вносили никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ составъ европейскаго населенія; они такъ сказать растворялись въ немъ. Арійскіе языки, какъ и арійскіе народы съ этой точки зрѣнія должны развиваться и окрѣпнуть въ Европѣ; отсюда уже они распространялись въ Азію, такъ что санскритскій языкъ, считающійся по старой теоріи основой арійскихъ языковъ, есть такая же отрасль ихъ, какъ греческій или латинскій. Правда, санскритъ сохранилъ намъ очень древнія формы арійскаго языка, но это потому только,—говорятъ защитники новаго взгляда,—что мы знаемъ его изъ очень древнихъ памятниковъ и сравниваемъ эти формы съ формами современныхъ намъ языковъ; въ наше время старинныя формы санскрита исчезли еще полнѣе, чѣмъ старинныя формы европейскихъ языковъ.—Были-ли германцы выходцами изъ Азіи или они представляютъ собой образовавшееся уже въ Европѣ дальнейшее развѣтвленіе основнаго европейскаго населенія,—этотъ вопросъ имѣетъ только косвенное, побочное отношеніе къ ихъ исторіи; я долженъ, однако, замѣтить, что новая теорія объ европейскомъ происхожденіи арійскихъ народностей еще недостаточно прочно установилась и выработалась; осторожные ученые считаютъ пока за лучшее держаться прежняго воззрѣнія на Азію, какъ родину европейцевъ.

Для выясненія того положенія, въ какомъ свѣдѣнія источниковъ изображаютъ германцевъ при самомъ переходѣ ихъ изъ области до исторической археологіи и антропологіи въ

область исторіи, гораздо большее значеніе имѣеть *другая* тоже недавно возникшая *теорія*, имѣющая своей задачей раскрыть процессъ происхожденія семьи и собственности у первобытныхъ народовъ. Отношеніе этой теоріи къ исторіи вообще и въ частности къ исторіи германскихъ племенъ станетъ для насъ тотчасъ же яснымъ, какъ скоро мы примемъ въ соображеніе то обстоятельство, что германскіе варвары, какъ и всѣ другіе народы, вступаютъ въ исторію не въ качествѣ сыраго матеріала, поддающагося какой-угодно исторической обработкѣ, не какъ *tabula rasa*, на которую историческія событія наносятъ первыя письмена, а съ опредѣленнымъ, прочно сложившимся типомъ семейнаго, общественнаго и политическаго быта. Этотъ типъ обуславливаетъ собой дальнѣйшій историческій процессъ и является однимъ изъ главнѣйшихъ его факторовъ, такъ что историкъ, изучающій первоначальную жизнь народовъ, имѣетъ предъ собой продолженіе только этого процесса, начало же его и причины скрыты отъ него за чертой, отдѣляющей исторію отъ до-исторической старины. Какъ образовался этотъ типъ? въ чемъ его характеристическія черты? какія условія опредѣляютъ его жизнь и развитіе?—вотъ вопросы, рѣшеніе которыхъ должно бросить яркій свѣтъ на первоначальную исторію народовъ, хотя данныя для этого рѣшенія и лежатъ внѣ исторической области. На эти вопросы и отвѣчаетъ упомянутая мной теорія происхожденія семьи и собственности.— Въ виду того, что съ недавняго времени эта теорія получила широкую извѣстность въ нашей русской читающей публикѣ, и ея выводы вовсе не составляютъ достоянія ученыхъ кабинетовъ, я остановлюсь на характеристикѣ ея нѣсколько подробнѣе, чѣмъ это требуется ближайшей цѣлю т. е. разсмотрѣніемъ быта германцевъ.

Научный интересъ всякой новой теоріи опредѣляется ея отношеніемъ къ старымъ, ранѣе ея появленія господствовавшимъ воззрѣніямъ. Кто пожелалъ бы ознакомиться съ прежней теоріей первобытной семьи, тотъ вполне могъ бы удовлетворить своему любопытству, обратившись къ одному изъ многочисленныхъ руководствъ, которыми лѣтъ сорокъ тому назадъ дарила свѣтъ ученая Германія въ теченіи каждаго семестра. Въ этихъ руководствахъ дѣло представлялось такимъ образомъ: сначала со всею подобающею важностью го-

ворилось о несостоятельности объясненія, даваемого относительно происхожденія общежитія гипотезой общественнаго договора, предложенной еще доброй памяти Жанъ-Жаномъ Руссо; затѣмъ, сославшись на римскаго юриста Гая съ его текстомъ о правахъ отца семейства и родовомъ устройствѣ италиковъ, а также на сбивчивыя извѣстія Цезаря и Тацита о древнихъ германцахъ, доказывали, что та патріархальная семья, какая наблюдается у всѣхъ европейскихъ народовъ при переводѣ въ исторію, существовала вездѣ и споконъ вѣку и что именно изъ нея, изъ этой колыбели всѣхъ формъ общежитія, произошелъ родъ и государство.—Первыми учеными, возвысившими голосъ противъ этого аподиктического утвержденія, были Бахофенъ и Манъ-Леннанъ, недавно умершіе. Основываясь на изученіи быта дикихъ племенъ, Бахофенъ въ своемъ изслѣдованіи, вышедшемъ въ 1861 г. подъ заглавіемъ „материнское право“, и Макъ-Леннанъ, издавшій независимо отъ Бахофена книгу о первобытномъ бракѣ въ 1886-мъ году, рядомъ фактовъ старались доказать, что патріархальная семья не есть необходимая форма семейнаго и общественнаго быта всѣхъ племенъ, что этого вида семьи еще не знаютъ нѣкоторыя племена и что она не есть вообще первоначальная форма семьи, а напротивъ сложилось долгимъ путемъ. Но только со времени французскаго ученаго Моргана, опубликовавшаго свой главный трудъ „первобытное общество“ въ 1877-мъ году, старое воззрѣніе окончательно было поколеблено и новые выводы отлились въ цѣлую теорію. Ученіе Моргана о происхожденіи семьи въ первобытномъ обществѣ развило, дополнило и популяризировало нѣмецкій экономистъ—ученый Фридрихъ Энгельсъ, небольшая, но живо написанная книжка котораго „происхожденіе семьи, частной собственности и государства“ вскорѣ же была переведена на русскій языкъ и разошлась уже въ многочисленныхъ изданіяхъ. Дальнѣйшую обработку и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя поправки интересующее насъ воззрѣніе нашло у проф. Ковалевскаго въ лекціяхъ, читанныхъ имъ въ Стокгольмѣ въ 1890-мъ году и изданныхъ сначала на французскомъ языкѣ, а затѣмъ переведенныхъ и на русскій языкъ подъ заглавіемъ „Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности“. (Кромѣ того, имѣются *Штрайслера* „Происхожденіе семьи“ въ популярномъ

изданіи“ „Между народной бібліотеки“ 1894 г. и Кауцкаго „Возникновеніе брака и семьи“).

Главное значеніе въ рядѣ названныхъ именъ принадлежитъ Моргану; вопросъ о происхожденіи семьи онъ практически изучалъ у полудикаго племени ирокезовъ, живущихъ до сихъ поръ въ Америкѣ, въ штатѣ Нью-Йоркъ; у нихъ онъ провелъ большую часть своей жизни и былъ даже усыновленъ однимъ изъ племенъ; здѣсь онъ нашелъ систему родства, которая была въ противорѣчій съ дѣйствительными обозначеніями отдѣльныхъ членовъ семьи. Здѣсь господствовало единобрачіе, легко прерывающееся по волѣ какой-либо изъ сторонъ: потомство такой пары признавалось всѣми и было вполнѣ ясно, такъ что не подлежало никакому сомнѣнію, кого называть отцомъ, матерью, сыномъ и т. д. Но,—странное дѣло,—эти названія у ирокезовъ употреблялись совсѣмъ не тамъ, гдѣ слѣдовало бы; такъ, ирокезецъ называлъ сыновьями и дочерьми не только собственныхъ дѣтей, но и дѣтей своихъ братьевъ т. е. племянниковъ по братьямъ; дѣтей же сестеръ онъ называлъ племянниками. Въ свою очередь ирокезка называетъ сыновьями и дочерьми кромѣ своихъ собственныхъ дѣтей еще и дѣтей своихъ сестеръ, которые называютъ ее матерью, дѣтей же своихъ братьевъ она называетъ племянниками, а они ее теткой. Оказалось, что подобная система родства господствуетъ не только у всѣхъ американскихъ племенъ, но встрѣчается по мѣстамъ въ Индіи и другихъ частяхъ свѣта, кромѣ Европы. Чтобы объяснить этотъ фактъ, Морганъ призналъ, что было время, когда всѣ братья изученныхъ имъ племенъ имѣли однихъ и тѣхъ же общихъ женъ, но не своихъ сестеръ, и когда всѣ сестры имѣли общихъ мужей, но не своихъ братьевъ, такъ что всѣ дѣти данной группы братьевъ считались ихъ общими дѣтьми (т. е. сынъ брата есть вмѣстѣ съ тѣмъ и мой братъ), а дѣти группы ихъ сестеръ приходились имъ племянниками. Такого рода семьи и существовали на Сандвичевыхъ островахъ еще въ половинѣ прошлаго столѣтія, но страннымъ образомъ и здѣсь система родства не соответствовала дѣйствительно существовавшей формѣ семьи; здѣсь не только сынъ известнаго лица считался сыномъ и его братьевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ сыномъ и всѣхъ его сестеръ т. е. всѣ дѣти братьевъ и сестеръ считались

общими дѣтьми не только однихъ сестеръ или братьевъ въ отдѣльности, но всѣхъ ихъ вмѣстѣ безъ исключенія. Итакъ, если прокезская система родства предполагала собой болѣе древнюю форму семьи, найденную на Сандвичевыхъ островахъ, то съ другой стороны система родства, существующая здѣсь, указываетъ на еще болѣе древнюю форму семьи, изъ которой должна была она возникнуть. Основываясь на этихъ наблюденіяхъ, Морганъ и Энгельсъ устанавливаютъ слѣдующія ступени развитія семьи.

По мнѣнію Моргана и Энгельса (а также и ихъ излагателей) въ первобытномъ человѣческомъ обществѣ,—въ самомъ началѣ, такъ сказать, людской породы,—бракъ не имѣлъ никакихъ ограниченій или, точнѣе говоря, не было самаго брака; каждый мужчина, по тому самому, что онъ мужчина считался и могъ быть мужемъ каждой женщины, безъ всякаго различія и условій. Въ этомъ періодѣ еще нѣтъ семьи, какъ нѣтъ и брака. Но очень рано изъ этого первоначальнаго состоянія развилась семья, основанная на кровномъ родствѣ, которая и была первою организованною формою общества или первымъ фазисомъ въ его развитіи. Здѣсь супруги раздѣлялись по поколѣніямъ: всѣ дѣды и бабушки, принадлежащіе одной семьѣ,—суть мужья и жены другъ друга; это же нужно сказать объ ихъ дѣтяхъ т. е. отцахъ и матеряхъ, точно также, какъ и дѣти ихъ опять такъ составляютъ третій рядъ общихъ женъ и мужей. Слѣдовательно, при этой формѣ семьи не допускаются браки только между предками и потомками, родителями и дѣтьми; братья же и сестры суть потому самому мужья и жены. Эта именно форма семьи и лежитъ въ основѣ той системы родства, которая найдена была на Сандвичевыхъ островахъ.

Въ скоромъ же времени этотъ видъ семьи, основанный на кровномъ родствѣ долженъ былъ уступить мѣсто дальнѣйшей фазѣ развитія, которая состояла въ запрещеніи брака между братьями и сестрами. Вслѣдствіе этого первобытная, кровная семья должна была распасться, и на ея мѣстѣ появился новый видъ семьи, семьи групповой, или пуналуальной, какъ называетъ ее Морганъ, т. е. товарищеской. Произошло это слѣдующимъ образомъ: представимъ себѣ какую-либо кровную семью А, которая пока не былъ запрещенъ бракъ между сестрами и братьями, жила и пополни-

лась такъ сказать сама собой. Но какъ скоро сестры и братья уже не могли быть мужьями и женами, то братья должны были искать женъ не въ своей семьѣ, а въ другой какой либо семьѣ,—положимъ,—*B*; 'равнымъ образомъ, и сестры, отдѣляясь отъ братьевъ, этимъ самымъ образуютъ новый семейный кругъ, новую семью *C*, отличную отъ *A* и *B*; такъ обр., семья *A* распадается на два круга, которые въ свою очередь дробятся еще далѣе; внутри каждаго изъ этихъ круговъ браки запрещены; внѣ же круговъ они не имѣютъ никакихъ ограниченій. Поясню это на примѣрѣ; если возьмемъ мы двѣ семьи *B* и *C*, то члены каждой изъ этихъ семей въ отдѣльности не могутъ вступать въ бракъ между собой т. е. мужской составъ семьи *B* не можетъ брать себѣ въ жены женщинъ принадлежащихъ этой же семьѣ, точно также какъ мужчины семьи *C* не могутъ быть мужьями женщинъ этой же семьи, которыя приходятся имъ сестрами. Но всѣ мужчины семьи *B* считаются мужьями женщинъ семьи *C* и наоборотъ всѣ женщины семьи *B* суть жены всѣхъ мужчинъ семьи *C*. Такого рода брачныя отношенія и существуютъ у дикихъ народовъ Америки и Австраліи и, какъ полагаютъ, существовали нѣкогда и у народовъ Европы. Такъ, по сообщенію одного англійскаго миссіонера Файсона, племя австрійскихъ негровъ, обитающихъ въ области Маунтъ Гамбиръ, дѣлится на два большіе класса—кроки и кумите. Браки внутри обоихъ этихъ классовъ строго запрещены; напротивъ, каждый мужчина одного класса—уже по рожденію мужъ каждой семьи другого класса, а она уже по рожденію его супруга. Не отдѣльныя личности, а цѣлыя группы здѣсь вступаютъ въ бракъ другъ съ другомъ, классъ съ классомъ.

Особенно характерной чертой этой групповой семьи, по даннымъ раскрываемой новой теоріи, является господство въ ней материнскаго права, матери. Какъ въ позднѣйшей патріархальной семьѣ во главѣ семейнаго строя стоитъ ея родоначальникъ, отецъ,—такъ въ групповой семьѣ центральное мѣсто въ семейныхъ отношеніяхъ занимаетъ родоначальница данной семьи,—мать; вслѣдствіе чего и этотъ родъ семейнаго строя можетъ быть названъ матріархальной семьей, или матріархатомъ. Это преимущественно значеніе женщины-матери въ групповой семьѣ Морганъ и Энгельсъ объясняютъ

слѣдующимъ образомъ. Какъ мы видѣли, групповая семья должна была появиться тогда, когда браки внутри кровной семьи признаны были запретными, когда, слѣдовательно, для дальнѣйшихъ семейныхъ образованій получило значеніе родство, какъ отрицательное условіе. Такъ какъ, однако, общность мужей продолжала оставаться и въ групповомъ бракѣ, то происхожденіе и родство даннаго лица могло быть опредѣляемо не по отцу, который неизвѣстенъ, а только по матери, которая не подлежала никакому сомнѣнію. Мать, такъ обр., становилась начальницей семьи и рода и исходнымъ пунктомъ для системы родства. Возьмемъ для примѣра семью *B*; каждая женщина этой семьи можетъ имѣть своимъ мужемъ каждаго мужчину семьи *C*; сынъ этой женщины не всегда можетъ знать своего отца, но онъ несомнѣнно есть сынъ этой женщины и братъ ея дочерей; поэтому онъ уже не можетъ принадлежать семьѣ *C*, а входитъ въ составъ семьи *B* т. е. родъ опредѣляется по матери. Отсюда и ближайшимъ послѣ матерю родственникомъ его является братъ матери, т. е. дядя, а не отецъ. И такъ, въ матриархатѣ основу рода составляетъ мать; что же касается до отца, то онъ былъ случайнымъ пришельцемъ, стороннимъ элементомъ въ родѣ или семьѣ матери. Такого рода система существовала у всѣхъ европейскихъ народовъ, и, чтобы не вдаваться въ подробности, я ограничусь приведеніемъ одного свидѣтельства изъ Геродота, замѣчательнаго по своей ясности. „Ликійцы, — говоритъ Геродотъ, — называютъ себя по матери, а не по отцу; если кто спроситъ сосѣда о его происхожденіи, тотъ сообщаетъ ему свою родословную съ материнской стороны и перечисляетъ матерей своей матери; и если женщина гражданка сочетается бракомъ съ рабомъ, то дѣти ихъ признаются благородно-рожденными, но если мужчина-гражданинъ, хотя бы то и самый знатный между ними, возьметъ въ жены чужеземку, то дѣти ихъ не имѣютъ правъ гражданства“. Есть извѣстіе, что финикіяне величали себя не по отцу, а по матери.

Съ теченіемъ времени эта форма семьи матриархальной уступила мѣсто патриархату и главенствующее положеніе въ семьѣ и родѣ занялъ отецъ. Какъ произошла эта смѣна двухъ противоположныхъ формъ семьи, на этотъ вопросъ новая теорія даетъ различные отвѣты. По Энгельсу, въ основѣ

этой перемѣны лежитъ экономическій переворотъ. Пока люди жили охотой и рыболовствомъ, пища должна была добываться изо дня въ день, и для накопленія богатства не было мѣста. Съ переходомъ же людей къ скотоводству и, затѣмъ, земледѣлю стали появляться извѣстный избытокъ средствъ, запасъ или богатство, которое составляло принадлежность рода или семьи и должно было оставаться всегда внутри ея. Такъ какъ въ матриархальной семьѣ право наслѣдованія опредѣлялось по материнской линіи, то богатство извѣстнаго лица, заключающееся въ его стадахъ, никогда не могло перейти къ его дѣтямъ, принадлежавшимъ къ другому роду,—роду матери,—а должно было оставаться въ семьѣ матери, т. е. дѣлиться не между его дѣтьми, а между его братьями и сестрами т. е. между его родственниками по материнской линіи. Между тѣмъ каждому отцу желательно было передать свое богатство своему прямому потомству,—и вотъ чтобы достигнуть этого, рѣшили, что потомки мужскихъ членовъ оставались въ родѣ, потомки же женскихъ изъ него исключались, переходя въ родъ отца. Въ силу этого рѣшенія мужчина сталъ главою рода и у семейнаго очага занялъ то положеніе, какое ранѣе принадлежало женщинѣ—матери. Нѣсколько иначе объясняетъ происхожденіе отцовской власти Ковалевскій: онъ видитъ источникъ ея въ естественномъ приростѣ населенія, явившемся препятствіемъ къ дальнѣйшему совмѣстному жительству и заставлявшему членовъ одной и той же группы расходиться по разнымъ направленіямъ. Слѣдствіемъ этого разсѣянія и было то, что, съ одной стороны, забывалось общее происхожденіе и терялась общая связь,—съ другой—женщина, отдѣленная отъ своего рода, переставала рассчитывать на помощь родственниковъ и пріучалась видѣть въ мужѣ своего естественнаго покровителя и защитника. Такъ зародилась власть мужа надъ женой и отца надъ дѣтьми и появилась патриархальная семья. Съ патриархальной семьей мы вступаемъ уже въ область исторіи.

Вотъ въ главныхъ чертахъ сущность новой теоріи о происхожденіи семьи. Конечно, вдаваться въ подробный разборъ ея и оцѣнку я не имѣю возможности и не вижу въ этомъ надобности; я ограничусь только нѣсколькими замѣчаніями,—съ цѣлію показать, что есть твердаго въ новой теоріи и что требуетъ еще дальнѣйшихъ доказательствъ...

Разсматривая эту теорію въ томъ видѣ, въ какомъ она развита у Морганъ и Энгельса, не трудно опредѣлить тотъ типъ, къ которому она относится; оба названные ученые начинаютъ исторію брака съ той ступени первобытнаго состоянія, на которой не существуетъ никакихъ ограниченій для брачныхъ отношеній и, слѣдов., на которой нѣтъ еще ни брака, ни семьи; иначе говоря, начинаютъ съ предполагаемаго ими животнаго состоянія человѣка. И это понятно; оба эти ученые, — Морганъ и Энгельсъ, — раздѣляютъ воззрѣнія школы дарвинистовъ на происхожденіе человѣка и, потому, стараются и начало семьи свести къ тому же источнику, изъ котораго, по мнѣнію дарвинистовъ, возникъ человѣкъ. Но дѣло въ томъ, что ни одно племя, — существующее или существовавшее, — о какихъ только есть извѣстія въ наукѣ, не представляетъ въ своей семейной и брачной жизни той безусловной свободы отъ всякихъ ограниченій, какую предполагаютъ Морганъ и Энгельсъ. Эта свобода, это животное состояніе есть только гипотеза этихъ ученыхъ и не имѣетъ подъ собою достаточной фактической почвы. Наблюденія надъ жизнью дикихъ племенъ, напротивъ, показываютъ, что какъ бы ни была низка степень умственнаго и нравственнаго паденія даннаго племени, въ его брачныхъ отношеніяхъ всегда есть извѣстныя ограниченія, есть извѣстный нравственный элементъ. Поэтому, болѣе внимательно относящійся къ фактамъ Ковалевскій прямо заявляетъ, что онъ отвергаетъ господство беспорядочнаго брачнаго сожитія у первобытнаго человѣчества, и свою исторію семьи начинаетъ съ матриархата. — Что касается до кровной семьи т. е. такой, гдѣ позволительными считались браки между сестрами и братьями, то, восходя къ первымъ временамъ человѣческой исторіи, мы необходимо должны будемъ признать дѣйствительное существованіе такого брака. Сыновья Адама и Евы, первой пары рода человѣческаго, — конечно, должны были имѣть женъ въ лицѣ своихъ сестеръ; такая необходимость могла повториться и при дальнѣйшемъ разселеніи человѣчества по землѣ. Отсюда слѣдуетъ, что кровная семья могла существовать только въ самой глубокой древности, при началѣ человѣческой исторіи, и существовать очень недолгое время. И дѣйствительно, по заявленію самого Энгельса, „даже самые первобытные народы, о которыхъ упоминаетъ

исторія, не даютъ намъ ея примѣра“; на нее указываетъ система родства, сохранившаяся только у жителей Сандвичевыхъ острововъ,—жителей, которыя самой природой были отдѣлены отъ всякаго общенія съ другими людьми.—Главную свою заслугу предъ наукой новѣйшая теорія происхожденія семьи видитъ, однако, не въ открытіи этой кровной семьи, которая само собой должна мыслиться, какъ начальный моментъ въ семейной исторіи человѣчества, а въ установленіи матриархата, матриархальной семьи, предшествующей патриархальному строю жизни. Матриархатъ Ковалевскій прямо называетъ „наиболѣе удивительнымъ соціологическимъ открытіемъ нашего времени“. И, дѣйствительно, масса свидѣтельствъ, собранныхъ нашимъ профессоромъ, не оставляетъ никакого мѣста для сомнѣній въ томъ, что семья матриархальная не только существуетъ у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ, но господствовала въ доисторическое время и у множества народовъ, живущихъ теперь цивилизованною жизнію. Тѣмъ не менѣе Энгельсъ и Ковалевскій утверждаютъ слишкомъ многое, когда они стараются показать, что матриархальная семья представляетъ собой необходимую ступень, которую должны проходить каждый народъ и каждое племя. Собранныя ими данныя еще не уполномочиваютъ ихъ къ этому заключенію; эти данныя кромѣ дикихъ племенъ касаются только доисторическаго быта современныхъ народовъ, поздно начавшихъ развиваться, у которыхъ, поэтому, первобытное, нецивилизованное состояніе должно было достигнуть болѣе глубокой степени паденія. Любопытно, что древнѣйшій памятникъ исторіи человѣчества, книга Бытія, ничего не знаетъ о матриархатѣ. По указанію этой книги, кровная семья тотчасъ же смѣняется патриархальной, которая и господствуетъ до начала исторіи. И если мы припомнимъ то объясненіе, какое даетъ Ковалевскій происхожденію патриархата, то мы увидимъ, что материнская семья вовсе не есть неизбѣжная ступень для образованія патриархата. Приростъ населенія и необходимость искать новыхъ мѣстъ для жительства,—эти причины, которые по Ковалевскому разложили матриархальную семью и побудили женщину видѣть въ мужѣ своего защитника, должны были дѣйствовать уже при распаденіи кровной семьи и потому могли прямо привести къ возникновенію патриархата, обходя материнскую

семью (какъ это и предполагаетъ Библія). Значить, въ матриархальной семьѣ мы должны видѣть такую форму быта, которая существовала не у всѣхъ народовъ и которая явилась слѣдствіемъ особыхъ условій жизни, окружавшихъ первобытныя племена. Такъ, наприм., ученый англійскій юристъ Мэнъ полагаетъ, что матриархатъ есть исключеніе изъ общаго правила и составляетъ особенность тѣхъ обществъ, въ которыхъ больше мужчинъ, нежели женщинъ, вслѣдствіе-ли постоянныхъ войнъ ихъ съ сосѣдями и увода послѣдними ихъ женщинъ въ плѣнъ или обычая убивать новорожденныхъ дѣвочекъ, или, наконецъ, самаго порядка ихъ основанія переселявшимися группами мужчинъ. Образованіе матриархата непремѣнно предполагаетъ собой извѣстную степень нравственной неразвитости, выражающуюся въ общности мужей; какъ многоженство неизбѣжно ведетъ къ униженію женщины, такъ многомужіе должно имѣть своимъ результатомъ умаленіе достоинства мужчины, сказавшагося въ матриархальной семьѣ. Принимая во вниманіе эту поправку, мы и можемъ согласиться съ Ковалевскимъ, что открытіе матриархата у народовъ, живущихъ теперь историческою жизнью, есть дѣйствительно важная заслуга, много помогающая уясненію ихъ первоначальной исторіи. Какія слѣдствія изъ этого открытія можно извлечь въ отношеніи къ изученію исторіи германскихъ племенъ, это мы сейчасъ и увидимъ, перейдя къ разсмотрѣнію извѣстій о первоначальномъ семейномъ и общественномъ строѣ германцевъ.

При характеристикѣ германскихъ племенъ въ эпоху ихъ выступленія на историческую почву намъ должно отправляться отъ двухъ источниковъ; отъ сочиненія Цезаря, который въ своихъ комментаріяхъ къ галльской войнѣ даетъ краткое, но вѣское описаніе германцевъ, и отъ сочиненія Тацита, брошюра котораго подъ заглавіемъ „*De situ, moribus et populis Germaniae*“ произвела въ свое время огромное впечатлѣніе и является очень важной для нашей задачи. Цезарь встрѣтилъ германцевъ въ моментъ ихъ перваго великаго столкновенія съ Римомъ и не могъ обойти ихъ молчаніемъ; правда, онъ говоритъ очень немногое, но онъ умѣетъ въ немногихъ словахъ сказать многое, какъ челоувѣкъ въ совершенствѣ обладавшій искусствомъ чрезвычайно точно и ясно выражать свою мысль и схватывать во всемъ суще-

ственные черты; каждая его подробность весьма важна, и его слова имѣютъ огромный вѣсъ, потому что онъ былъ не только выдающийся государственный дѣятель, но и великій писатель, не позволявшій себѣ увлекаться фантазіями и выставлявшій вещи всегда въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Описание Тацита нѣсколько слабѣе; тутъ мы имѣемъ дѣло съ ораторомъ, который доказываетъ, убѣждаетъ и задается вовсе не той цѣлью, чтобы нарисовать вѣрную картину германскихъ нравовъ; для него это описаніе есть только средство къ проведенію извѣстныхъ идей, и онъ не стѣсняется иногда литературными прикрасами; онъ моралистъ, онъ не хочетъ говорить правду только ради ея самой, а хочетъ бросить Риму упрекъ и подѣйствовать на него отрицательнымъ образомъ. Поэтому, правъ былъ Вольтеръ, сравнивавшій Тацита съ тѣмъ „педагогомъ, который для возбужденія самолюбія своихъ учениковъ расточаетъ въ ихъ присутствіи похвалы уличнымъ мальчишкамъ, какъ бы они ни были грязны“. У Тацита всегда нужно отдѣлять факты, описанные имъ, отъ той окраски и тѣхъ размышленій, какими они обставляются. Этотъ различный характеръ двухъ главнѣйшихъ источниковъ для характеристики быта германскихъ племенъ всегда слѣдуетъ имѣть въ виду для правильной оцѣнки сообщаемыхъ въ нихъ свѣдѣній.

Въ какомъ же видѣ рисуютъ намъ германскій міръ эти свѣдѣнія?

Мы допустили бы грубую историческую ошибку, если бы подъ именемъ германцевъ, германскаго міра стали разумѣть одно племя или одинъ народъ, болѣе или менѣе сплоченный между собой. Германцы времени Цезаря и Тацита—совокупность множества мелкихъ разрозненныхъ племенъ, которыя имѣли одно общее происхожденіе, одинъ языкъ и одну религію, но у которыхъ не было никакого яснаго сознанія своего единства,—не было даже одного общаго имени для обозначенія всей ихъ совокупности. Современное національное имя германцевъ „Deutschen“ было совсѣмъ неизвѣстно ихъ Тацитовскимъ предкамъ; оно появляется не ранѣе 9-го вѣка и впервые вносится въ официальные документы въ X-мъ вѣкѣ, когда германскія племена соединились въ одно государство и среди нихъ начало вырабатываться сознанье національнаго единства. Оттонъ Великій

(936—973) первый сталъ называть себя королемъ нѣмцевъ, „*rex Teutonicorum*“. Отсюда и употребляемый Тацитомъ терминъ „германцы“ нельзя считать именемъ, общимъ для всѣхъ германскихъ племенъ того времени; слово „*germanni, germanen*“ значить люди копья; такъ называлась первоначально небольшая дружина Тунгровъ, употреблявшая для своего вооруженія преимущественно копья. Такъ какъ, по извѣстiю Тацита, дружина Тунгровъ ранѣе другихъ германскихъ племенъ перешла Рейнъ и поселилась среди галловъ, то и названiе, данное сначала этому племени, было потомъ перенесено на всѣ остальные племена. Это извѣстiе и подтверждается одной мраморной дощечкой, найденной въ 1574-мъ году и относящейся къ 223-му году до Р. Х., гдѣ значится, что въ этомъ году консулъ Марцеллъ одержалъ побѣду надъ галлами и германцами т. е. тою частью германскихъ племенъ, которая уже въ III-мъ вѣкѣ до Р. Х. дѣйствовала рядомъ съ галлами и называлась германцами. Значить, имя „германцы“, какъ общее для всѣхъ германскихъ племенъ, сначала было избрѣнено ихъ врагами-римлянами. Что же касается до самихъ германскихъ племенъ, то они для каждаго отдѣльнаго племени имѣли свое особое имя, и только позднѣе, въ IV и V вв., когда хотѣли обобщить себя, стали называть себя „варварами (*varvari*)“, отнюдь не почитая этого имени чѣмъ-либо унижительнымъ. Итакъ въ Германiи Тацита мы встрѣчаемъ рядъ варварскихъ т. е. полудикихъ, нецивилизованныхъ племенъ, которыя только для литературнаго удобства могутъ быть называемы однимъ именемъ; на самомъ же дѣлѣ это уби, маттiаки, батавы, хатты, узипеты, бруктеры, марсы, фризы, маркоманны, квады, кимвры..., вообще то множество племенъ и именъ, сообщаемыхъ у Тацита, съ которымъ доселѣ не могутъ справиться ихъ ученые потомки.

Извѣстiя Цезаря на полтора ста лѣтъ опережаютъ собой Тацита а потому и мы предварительно остановимся на разсмотрѣнiи ихъ. Юлiй Цезарь засталъ германскiя племена на той стадii культурнаго развитiя, когда они уже начали переходить отъ бродячей, охотнической и пастушеской жизни къ осѣдлому земледѣлю, но этотъ переходъ еще не закончился, не совершился. *Argiculturae non student*,—о воздѣлыванiи полей не заботятся,—говоритъ Цезарь о германцахъ;

земледѣліе еще не составляетъ ихъ главнаго занятія; жизнь ихъ въ значительной степени еще кочевая, бродячая и скотоводство играетъ въ ней видную роль, на что косвенно укаивается тѣмъ, что они кормятся не столько хлѣбомъ, сколько мясомъ, молокомъ и сыромъ. Самыя условія, въ которыхъ поставлены были знакомые Цезарю германцы, не благопріятствовали развитію среди нихъ земледѣлія: вся ихъ масса находится въ чрезвычайно ненормальномъ положеніи и не можетъ найти для себя твердой почвы; съ востока на нихъ давятъ другія племена, заставляющія ихъ искать новыхъ мѣстъ для поселенія и двинуться на западъ; Аріовистъ со своими свевами уже переходитъ римскую границу, но встрѣчаетъ здѣсь сильный отпоръ. Понятно, что при такихъ условіяхъ объ опредѣленномъ землевладѣніи и правильномъ земледѣліи не можетъ быть и рѣчи. Цезарь и описываетъ эту сторону ихъ быта въ такихъ словахъ: „никто изъ нихъ не обладаетъ на правахъ собственности неизмѣннымъ пространствомъ земли; ихъ поля не размежованы, должностныя лица и вожди каждый годъ распредѣляютъ землю между родами (*gentes*) и семейными общинами (*cognationes*); каждому роду и общинѣ они предоставляютъ въ распоряженіе тѣ участки, которыя имъ *желательны*, на слѣдующій же годъ заставляютъ перемѣнять ихъ“. Отсюда видно, что постояннаго владѣнія еще не существуетъ, что ежегодно происходитъ передѣлка полей, которая производится начальниками племенъ съ согласія надѣляемыхъ, при чемъ надѣлы даются не каждому лицу, а семейнымъ группамъ. Значитъ, германское хозяйство временъ Юлія Цезаря было еще хозяйствомъ общинно-семейнымъ, коммунистическимъ. Самый семейный бытъ еще недостаточно опредѣлился; съ одной стороны Цезарь упоминаетъ роды, *gentes*, которые на его языкѣ должно обозначать семью патриархальную,—семью, во главѣ которой стоитъ ея родоначальникъ и управляетъ ею подъ общимъ контролемъ ея членовъ; съ другой мы видимъ здѣсь родственныя соединенія, *cognationes*, составляющіяся не только изъ родственниковъ по мужской линіи, но и изъ родственниковъ по женской линіи, изъ свойственникововъ. Какъ показываютъ новыя изслѣдованія о происхожденіи семьи, этотъ послѣдній видъ родовыхъ соединеній есть остатокъ семьи материнской, ма-

тріархальной, въ которой родство и происхождение опредѣлялось матерью и въ которую входили также родственники по матери. Такъ какъ въ матриархальной семьѣ отецъ былъ пришлымъ, случайнымъ элементомъ, то ближайшимъ родственникомъ даннаго лица послѣ матери считался братъ ея или дядя; такъ и было у германцевъ. Упоминаемая Цезаремъ рядомъ съ „родомъ“ родовая община и должны были представлять собой какъ бы соединеніе матриархальной семьи съ патриархальной или недоразвившійся переходъ къ послѣдней. — Кромѣ извѣстій объ экономическомъ и семейномъ бытѣ Цезарь даетъ еще нѣсколько свѣдѣній о политической организаціи германскихъ племенъ. Эта организація состоитъ въ соединеніи, въ союзѣ областей и нѣкоторыхъ племенъ, — но союзѣ настолько слабомъ, что въ мирное время онъ совсѣмъ распадается. Въ мирное время, — говоритъ Цезарь, — у нихъ совсѣмъ не существуетъ общаго начальника. Это извѣстіе очень характерно для того момента, въ которомъ мы застаемъ германцевъ: военная потребность гонитъ ихъ къ централизаціи, къ союзу, но эта централизація тотчасъ же распадается, какъ только исчезаетъ создавшая ее потребность. „Предъ нападеніемъ или столкновеніемъ, — рассказываетъ Цезарь, — очень часто на собраніи выступаетъ кто-нибудь изъ начальниковъ и вождей и приглашаетъ согражданъ сдѣлать нападеніе“; желающіе даютъ согласіе и получается так. обр. шайка, случайное соединеніе, то, что впоследствии выработалось въ дружину. Что же казается до самого собранія или вѣча, *consilium*, то Цезарь ничего не говоритъ о его функціяхъ; можно думать, поэтому, что оно имѣло вообще второстепенную роль. Такова Германія Цезаря: его характеристика очень коротка, и многое оставляетъ въ неясности; но при всемъ томъ она опредѣленно выдвигаетъ главное: полукочевой образъ жизни, отсутствіе осѣдлости и частнаго землевладѣнія, роль родовыхъ соединеній и племенныхъ старшинъ при распредѣленіи участковъ, отсутствіе политической организаціи, появленіе общихъ начальниковъ въ связи съ военными дѣлами, дружину и, наконецъ, вѣче.

Но Цезарь не только описалъ Германію, своею дѣятельностью онъ вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ конецъ и тому движенію, въ которомъ онъ встрѣтилъ германцевъ; онъ провелъ римскую границу по Рейну, настроилъ укрѣпленій, образо-

вавъ гарнизонъ и тѣмъ самымъ принудивъ германцевъ окончательно усѣсться и устроиться на своей землѣ. Вслѣдствіе этого всѣ отношенія германцевъ должны были измѣниться: начался переходъ къ земледѣлію, явилась необходимость интенсивнѣе отнестись къ владѣнію, и появились соответствующія перемѣны въ политическомъ и социальномъ строѣ. Между Цезаремъ и Тацитомъ прошло полтора вѣка,—періодъ, собственно говоря, очень небольшой для исторіи народа,—но весьма много измѣнилось, и картина, нарисованная Тацитомъ, уже не похожа на картину Цезаря; она отмѣчаетъ дальнѣйшій шагъ въ развитіи германцевъ. Въ чемъ же состоялъ этотъ шагъ?

По изображенію Тацита, германцы уже не бродячая толпа, которая занимаетъ мѣста лишь на годъ; они сдѣлались теперь народомъ земледѣльческимъ, хотя земледѣліе у нихъ развилось очень еще слабо. Можно сказать, что когда Тацитъ принялся за собраніе извѣстій о Германіи, переходъ въ ней къ земледѣлію только что закончился. Оно состоитъ теперь въ томъ, что цѣлая семья или родъ занимаетъ опредѣленную территорію, главную часть ея выдѣляетъ подъ пастбище, а остальной клочекъ земли обращаетъ въ пашню, которую она и пользуется не одинъ годъ, а нѣсколько годовъ, *per annos*,—пока не истощаются естественныя производительныя силы земли. Земледѣліе получаетъ болѣе прочный характеръ, но въ то же время на первомъ мѣстѣ стоитъ пастбище, и сами германцы еще весьма неохотно относятся къ тяжелому земледѣльческому труду, сваливая его на женщинъ, стариковъ и слабѣйшихъ. „Самые здоровые и воинственнѣйшіе изъ нихъ,—говоритъ Тацитъ,—не зная никакого труда, предоставляютъ заботы о семействѣ и поляхъ женщинамъ, старикамъ и слабѣйшимъ, а сами коснѣютъ въ бездѣйствіи“. Это наблюденіе удивляло Тацита; „странное противорѣчіе природы,—замѣчаетъ онъ по этому поводу,—тѣ же самые люди, которые такъ любятъ лѣнъ, въ тоже время ненавидятъ покой“.—Вмѣстѣ съ осѣдлостью становится болѣе прочнымъ у германцевъ ихъ общественный и политическій строй. Тацитъ указываетъ четыре класса или сословія, изъ которыхъ слагалось древне-германское общество его времени: *servi, libertini, ingenui* и *nobiles* т. е. рабы, полусвободные, свободные или природные германцы и аристо-

кратія. Германцы,—пишетъ Тацитъ,—не пользуются своими рабами по образцу римлянъ, которые считаютъ ихъ частью своего хозяйства и употребляютъ въ этомъ смыслѣ; они отводятъ рабу особое жилище и хозяйство, а затѣмъ берутъ съ нихъ извѣстный оброкъ, и въ этомъ только смыслъ являются ихъ господами. Это различіе между положеніемъ рабовъ въ Римѣ и у германцевъ имѣетъ свою причину въ томъ обстоятельстве, что германское общество не жило исключительно плодами рабскаго труда, а только случайно пользовались имъ; рабъ былъ исключеніемъ, а не правиломъ, и рабство было юридическимъ институтомъ, утилизировалось обществомъ, но не было его фундаментомъ. Почти такое же положеніе, какъ рабы, занимали среди германцевъ и полусвободные, *libertini*. Это—классъ новый, котораго не зналъ Римъ; онъ составлялся не только изъ рабовъ, отпущенныхъ на волю, но и изъ покоренныхъ жителей, которыхъ германцы, занявшіе ихъ земли, оставляли въ полузависимомъ состояніи. *Libertini* не были совершенно безправными; они могли защищать свою личность съ оружіемъ въ рукахъ, находились подъ охраной закона, но не участвовали въ политическихъ дѣлахъ и въ войскѣ были не на равной ногѣ съ свободными. Относительно ихъ Тацитъ замѣчаетъ: „*libertini* стоятъ немного выше рабовъ; они рѣдко пріобрѣтаютъ вліяніе въ семейныхъ дѣлахъ, и никогда въ общественныхъ, исключая тѣ племена, которые управляются королями: у такихъ племенъ они даже возвышаются надъ людьми свободнорожденными и благородными“. Это значитъ, что въ тѣхъ германскихъ обществахъ, гдѣ появилась королевская власть, полусвободные поступали къ ней на службу, образовывали изъ себя служилый классъ и т. обр. возвышались надъ другими классами въ силу привилегій королевской власти.

Рабы и либертины представляли собой придатокъ къ германскому обществу, и притомъ придатокъ незначительный; главная же масса состояла изъ свободныхъ гражданъ, обладавшихъ всѣми политическими правами, связанными съ участіемъ въ войскѣ, вѣчѣ и судѣ. Изъ среды этихъ свободныхъ выдѣляется группа, которая стоитъ выше ихъ и которую Тацитъ называетъ *nobiles*,—знатные люди, знать. Любопытно спросить, какимъ образомъ въ этомъ полуварварскомъ обществѣ, только что начинавшемъ осѣдлую жизнь,

могла уже явиться *аристократія*?—Аристократическое начало возникаетъ въ обществѣ подъ дѣйствіемъ различныхъ причинъ и сообразно этому принимаетъ ту или другую форму; оно можетъ явиться въ связи съ развитіемъ хозяйства, основаннаго на примѣневіи рабскаго или крѣпостнаго труда, въ связи съ крупнымъ землевладѣніемъ,—можетъ явиться, какъ результатъ образованія служилаго класса, который забираетъ въ свои руки силу, прикнувъ къ господствующей въ государствѣ власти; можетъ, наконецъ, возникнуть въ силу естественнаго выдѣленія однихъ родовыхъ еденицъ изъ среды другихъ, въ силу преобладанія старшихъ семей, какъ представителей рода т. е. сдѣлаться евпатридскимъ, принять тотъ характеръ, какимъ отличалась античная аристократія, греческая и римская. Спрашивается теперь: въ какую же изъ указанныхъ формъ отлилось германское аристократическое начало? Нечего и говорить, что землевладѣніе не могло еще сдѣлаться основой для выдѣленія аристократіи: оно только что установилось и не доразвилось еще до частнаго землевладѣнія; служилый элементъ тоже не могъ играть рѣшающей роли, ибо онъ не сложился прочно, и притомъ онъ былъ на лицо не у всѣхъ германскихъ племенъ. Остается, значить, признать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ родовой аристократіей, съ старшими семьями родовыхъ соединеній. Отсюда опредѣляется и характеръ этой аристократіи. Мало выдѣляясь надъ массою свободныхъ членовъ общества, германская первобытная аристократія не обладала какими-либо юридическими привилегіями: ея значеніе было значеніемъ только родоваго авторитета, старшаго въ родѣ, къ голосу котораго прислушиваются всѣ остальные члены рода. Итакъ, мы видимъ, что Тацитовское общество германцевъ еще въ значительной степени держалось родоваго начала, но это начало уже стало ослабѣвать, колебаться, что и сказалось яснѣе въ политической организаціи германцевъ Тацитовой эпохи.

Политическій строй эпохи Тацита несомнѣнно представляетъ собой шагъ впередъ по сравненію съ тѣмъ, какой намѣченъ въ описаніяхъ Цезаря. Въ то время какъ у германцевъ Цезаря всѣ дѣла рѣшаются областными князьями, а совѣтъ или вѣче ничѣмъ не заявляетъ о своей дѣятельности, въ эпоху Тацита этотъ совѣтъ или вѣче является уч-

режденіемъ, стоящимъ въ центрѣ политической организаціи, и притомъ учрежденіемъ не хаотическимъ, а принявшимъ извѣстный правильный строй. Вѣче Тацита есть собраніе всѣхъ свободныхъ людей германскаго общества и, какъ таковое, оно выражаетъ собой волю народа и пользуется высшею законодательною властью. „Въ дѣлахъ маловажныхъ,—говоритъ Тацитъ,—совѣщаются одни только князья, но въ болѣе важныхъ всѣ; однако-жь и тѣ дѣла, рѣшеніе котораго зависитъ отъ воли народа, обсуждаются предварительно старѣйшинами“. Получаются т. о. два совѣта, изъ которыхъ одинъ является низшей и подготовительной инстанціей по отношенію къ общему собранію или вѣче. Весьма характерно для германскаго вѣча то, что главная роль въ немъ принадлежала не князьямъ, и не вождямъ, а жрецамъ. „Жрецы,—пишетъ Тацитъ,—получаютъ въ этомъ случаѣ (т. е. на собраніяхъ) полицейскую власть (*jus coercendi*) и наблюдаютъ за тишиной. Затѣмъ князь или король,—продолжаетъ Тацитъ,—смотря по его лѣтамъ, воинской славѣ и краснорѣчію, выслушиваются съ тѣмъ уваженіемъ, которое можетъ внушаться больше силою *убѣжденія*, чѣмъ силою власти“. Это значить, что король или князь *присутствуетъ* на вѣчѣ, но не въ качествѣ начальника или распорядителя (послѣдняя роль принадлежитъ жрецамъ), а какъ простой членъ собранія, какъ и всякій другой, отличающійся почетнымъ возрастомъ, знатностью, краснорѣчіемъ или военными доблестями. Когда онъ говоритъ о чемъ-либо собранію, то онъ *убѣждаетъ*, а не приказываетъ, и его предложеніе вѣче вольно принять и вольно отвергнуть. „Если мнѣніе его не нравится собранію,—разсказываетъ Тацитъ,—то оно выражаетъ свое неудовольствіе шумомъ; въ случаѣ же согласія, потрясаетъ оружіемъ“. Счета голосовъ, слѣдов., не было, и постановленія вѣча опредѣлялось общимъ впечатлѣніемъ. Вѣдѣнію вѣча подлежали всѣ важныя дѣла; изъ нихъ заслуживаютъ особаго упоминанія разсмотрѣніе жалобъ и уголовныхъ преступленій и выборъ князей, которые чинятъ судъ въ округахъ и селахъ. Въ какомъ же отношеніи стояли къ вѣчу прочія власти германцевъ и въ чемъ состояли ихъ обязанности?—Тацитъ употребляетъ три термина для обозначенія этихъ властей *principes*, *duces* и *reges*, т. е. князья или старѣйшины, вожди и короли,—и каждый изъ

этихъ терминовъ имѣть у него свое значеніе. Первый изъ нихъ: principes—князья Тацитъ примѣняетъ къ вождямъ двухъ категорій: съ одной стороны principes—это областные выборные князья, на обязанности которыхъ лежитъ главн. обр. судъ, съ другой—это дружинные *предводители*. Въ первомъ случаѣ должность князя понятна сама собой; во второмъ она требуетъ объясненій и рождаетъ вопросъ о томъ, что такое дружина во времена Тацита?—Мы видѣли дружину Цезаря;—это простая шайка, собиравшаяся для одного набѣга около общаго предводителя, по добровольному соглашенію, и затѣмъ распадавшаяся по минованіи случайной надобности, вызвавшей ея появленіе. Тацитовская дружина носить уже иной характеръ; она становится учрежденіемъ постояннымъ въ томъ смыслѣ, что при выдающихся войнахъ всегда сосредоточивается нѣкоторое количество молодыхъ людей, стремящихся изучить военное искусство у опытнаго человѣка. вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и цѣль дружины; прежде она ставила задачей военную экспедицію, теперь же это отодвигается на второй планъ и главное мѣсто занимаетъ совмѣстная жизнь и обученіе военному дѣлу. Вступленіе въ дружину у Тацитовскихъ германцевъ связывалось съ передачей оружія; когда юноша подросталъ, онъ получалъ на вѣчѣ оружіе отъ отца, родственника или начальника и послѣ этого становился подъ руководство выдающагося вождя, примыкалъ къ нему не только матеріально, но и нравственно, сражаясь за него и стараясь увеличить его славу. Что же касается до отношенія дружинниковъ къ своему вождю, то оно основывалось не на равноправности всѣхъ членовъ дружины, а на подчиненіи ихъ одному лицу,—вождю. Вотъ этого-то вождя дружины Тацитъ и разумѣетъ подъ словомъ „principes“, постановляя его въ разрядъ должностныхъ и начальствующихъ людей въ германскомъ обществѣ. По поводу дружины въ наукѣ было очень много споровъ; главнымъ же образомъ эти споры вѣтѣлись около того вопроса, кто имѣлъ право собирать дружину? всякій-или свободный человѣкъ или только лица, занимающіе официальные должности?—вопросъ, на первый взглядъ техническій и мелочной, но на самомъ дѣлѣ очень важный. Если мы признаемъ, что право собирать дружину принадлежало только должностнымъ лицамъ, то дружина

будеть представлять собой отрядъ пожилыхъ или молодыхъ людей, группирующихся около племеннаго начальства; если же допустимъ противное, то получимъ политическое соединеніе, которое выступаетъ наперекоръ племенной организаціи и опирается на единоличную власть вождя,—получимъ такое положеніе, при которомъ появляется частный произволъ. Хотя у Тацита этотъ вопросъ поставленъ довольно неясно, однако настоящее время большинство ученыхъ пришло къ тому убѣжденію, что Тацитовская дружина есть свободная, частная ассоціація, не считающаяся съ предѣлами племени и примыкающая къ наиболѣе славному воину. Дружина возникаетъ по частной инициативѣ; каждый свободный германецъ, обратившій вниманіе на себя своею храбростію, могъ составлять около себя кружокъ лицъ, служившихъ подъ его начальствомъ и упражнявшихся вмѣстѣ съ нимъ въ военномъ дѣлѣ. Этотъ выводъ очень важенъ: онъ съ одной стороны указываетъ на распаденіе племеннаго начала, на появленіе такихъ образований, которыя стоятъ въ противорѣчьи съ племенемъ по своему принципу, ибо въ племени господствуетъ равноправность, а въ дружинѣ подчиненіе одному лицу; съ другой стороны, онъ объясняетъ намъ возникновеніе новой военной должности и военной аристократіи въ первобытномъ обществѣ; германецъ, собравшій около себя дружину этимъ самымъ выдѣлялся изъ среды прочимъ; онъ уже есть не просто свободный членъ, а *princeps*—князь, начальство.

Рядомъ съ „*principes*“ въ качествѣ должностныхъ лицъ Тацитъ поставляетъ *duces* и *reges*, вождей и королей. *Dux*—это тоже власть, которую германцы на своемъ языкѣ называли „*Herzog*“—герцогъ, предводитель, избираемый для спеціальной цѣли,—для какого-нибудь военнаго предпріятія. Выбирается онъ, по выраженію Тацита, а *virtute*, сообразно доблести, какъ этого требовала самая цѣль его выбора, и сохраняетъ свою власть только въ военное время, въ теченіе походовъ. Этой послѣдней чертой онъ и отличается отъ короля, *rex*. Король у германцевъ былъ еще выборною должностію, какъ и вождь,—съ тѣмъ однако различіемъ что выборъ короля опредѣлялся уже не только его личными качествами, вмѣстѣ съ тѣмъ и знатностію рода. „Германцы избираютъ своихъ королей,—говоритъ Тацитъ,—изъ среды выс-

шаго сословія, а вождей изъ тѣхъ, которые отличаются доблестью“. Германская королевская власть, такъ обр., представляла собой смѣшеніе двухъ противоположныхъ началъ: *наслѣдственнаго и выборнаго*; она не вполне наслѣдственна, потому что извѣстное лицо могутъ обойти, хотя бы оно и стояло въ ближайшемъ родствѣ съ умершимъ, но въ то же время она и не вполне выборная, потому что принимается во вниманіе и наслѣдственность: выборъ всегда производится въ предѣлахъ королевскаго рода, и король намѣчается сословнымъ, родовымъ положеніемъ.—Комментаріями къ этому общему положенію вождей и королей у германцевъ могутъ служить характеристики отдѣльныхъ *duces* и *reges* въ анналахъ Тацита. Типичнымъ представителемъ герцога здѣсь является Арминій, побѣдитель римскаго войска¹ въ Тевтобургскомъ лѣсу. Арминій былъ однимъ изъ мелкихъ Херусскихъ князей; когда же ему дали особыя полномочія для веденія войны противъ Римлянъ, онъ сразу выдвинулся впередъ и приобрѣлъ огромную власть, но власть ограниченную только размѣрами похода. Арминій не удовольствовался этимъ; опираясь на славу, на авторитетъ, приобретенный въ столкновеніяхъ съ Римомъ, онъ захотѣлъ изъ герцога сдѣлаться королемъ т. е. придать своей власти болѣе постоянный и наслѣдственный характеръ, и вслѣдствіе этого именно палъ. Эта исторія съ Арминіемъ любопытна въ томъ отношеніи, что она даетъ возможность прослѣдить то, какимъ образомъ возникла у германцевъ королевская власть и вообще какъ появляются въ первобытныхъ обществахъ короли? Изъ описанія Цезаря мы знаемъ что германцы его эпохи соединялись подъ начальствомъ какого-либо лица только въ виду военныхъ потребностей, въ мирное же время общаго, одного начальника они не имѣли, а управлялись представителями родовъ, старѣйшинами. Эти временные, военные начальники Цезаря и есть *duces*—вожди Тацита; чтобы перейти изъ *duces* въ *reges*, изъ вождей въ короли, нужно было только придать власти вождя болѣе постоянство и продолжить ее на мирное время. Этотъ шагъ и сдѣланъ былъ германцами въ промежуткѣ, раздѣляющемъ эпоху Цезаря отъ эпохи Тацита, и сдѣланъ подъ вліяніемъ все болѣе усиливавшихся военныхъ потребностей. Чѣмъ дольше продолжалась борьба на римской границѣ и внутри самихъ пле-

мень, тѣмъ постояннѣе становился запросъ на единоличное военное командованіе, и такъ какъ иногда борьба не прекращалась цѣлыми десятилѣтіями, то явилась нужда избирать вождя не на одинъ только походъ, а на всю его жизнь; такой вождь, вождь на всю жизнь, сохранялъ свою власть и въ мирное время т. е. становился уже королемъ, при чемъ родъ его само собой выдѣлялся изъ числа прочихъ родовъ. Несомнѣнно, что и сами вожди,—даже если они были избраны на время,—предпринимали попытки къ сохраненію власти за собой на всю жизнь, и объ этомъ именно говорить намъ исторія Арминія. Въ этой исторіи королевская власть хочетъ возникнуть такъ сказать на нашихъ глазахъ, подъ давленіемъ постоянной борьбы съ Римомъ, и не возникаетъ только потому, что Арминій встрѣтилъ противниковъ въ лицѣ князей и былъ убитъ. Но, что не удалось въ одномъ племени и при однихъ условіяхъ, удавалось въ другомъ мѣстѣ, у другихъ племенъ,—и вотъ т. о. явились короли, *reges*. — Этотъ процессъ возникновенія королевской власти и объясняетъ намъ то, почему не у всѣхъ германцевъ эпохи Тацита мы находимъ одинаково — развитымъ этотъ институтъ; по извѣстію Тацита, у германцевъ были такія племена, у которыхъ королевская власть находилась еще только въ зачаткѣ, но были и такія, гдѣ она развилась уже значительно. Въ послѣднемъ отношеніи заслуживаетъ вниманія исторія маркомановъ и попытка ихъ вождя Марбоды; выдвинувшись подобно Арминію военными успѣхами, онъ реформировалъ военный строй, завелъ войска по римскому образцу, сдѣлалъ ихъ правильными и постоянными, — и этимъ путемъ приобрѣлъ такую власть надъ своимъ племенемъ, которая подобна была власти римскаго императора. Здѣсь мы видимъ уже стремленіе къ сосредоточенію власти и расширенію ея полномочій,—стремленіе, которое опять же возникаетъ изъ военныхъ потребностей и сообразуется съ ними. Вотъ основныя черты германскаго быта, по Тациту.

Если мы теперь сравнимъ описанную Тацитомъ Германію съ состояніемъ римской имперіи тогдашняго времени, то въ какую бы область человѣческаго общежитія мы ни направили своего вниманія, мы вездѣ найдемъ полное противорѣчіе, непримиримый контрастъ. На одной сторонѣ мы ви-

димъ цивилизованный строй жизни, достигшій высшей доступной для него точки развитія и начавшій уже склоняться къ западу,—на другой—полудикіе, варварскіе формы быта, населеніе, только перешедшее къ осѣдлости и земледѣлю и чуждаго всякаго понятія о цивилизаціи, объ искусствѣ, наукахъ и литературѣ; тамъ—все вполне закончено, пригнано къ извѣстному мѣсту и опредѣлено нарочитыми предписаніями и узаконеніями,—здѣсь хаотическое броженіе началъ, какъ бы расплавленная масса, которая еще не остыла, которая очень гибка и постоянно мѣняетъ свою форму; тамъ — развившаяся на счетъ общества государственная власть тяжелымъ гнетомъ лежитъ на населеніи, обременяетъ его поборами, задерживаетъ его успѣхи и истребляетъ въ немъ всякую самодѣятельность, здѣсь полная, первобытная свобода личности, едва знакомая съ элементарными начатками политической организаціи, отсутствіе всякой центральной власти и сдерживающихъ узаконеній; здѣсь каждый живетъ на свой рискъ и поступаетъ по своему усмотрѣнію.— Очевидно, это два—противоположныхъ міра отличныхъ другъ отъ друга не въ отношеніи только къ образованію, но по всему строю понятій и жизни, по самой сущности ихъ характера. Потому-то согласить Римъ и германцевъ оказалось невозможно, не смотря на тысячелѣтнія стремленія и усилія. И въ наше время народы германскаго племени рѣзко еще отличаются отъ племенъ романскаго происхожденія, т. е. отъ племенъ, воспринявшихъ въ себя римское вліяніе.

Эта противоположность міра германскаго и римскаго дѣлала неизбежной постоянную и упорную борьбу между ними, но не исключала возможности ихъ взаимнаго вліянія другъ на друга. Это вліяніе состояло въ томъ, что, съ одной стороны, германцы, знакомясь съ Римомъ, незамѣтно проникались болѣе цивилизованными понятіями и усваивали себѣ порядки, съ другой, переходя въ имперію цѣлыми племенами, они постепенно варваризовали ее, обращали ея области въ то варварское состояніе, въ какомъ мы ихъ находимъ въ VII и VIII вв. Такимъ образомъ взаимодѣйствіе между германскими и римскими элементами имѣетъ свою исторію и распадается на три періода: въ первомъ изъ нихъ перевѣсъ вліянія былъ на сторонѣ Рима; во второмъ,—силы обоихъ противниковъ уравниваются; въ третьемъ,—вар-

вары окончательно врываются въ внутренніе предѣлы римской имперіи и становятся ея господами.

Въ первомъ періодѣ вліяніе Рима на Германію шло различными, но не совсѣмъ прочными и систематическими путями. Римляне еще мало знали германцевъ и мечтали легко покорить ихъ. Пораженіе Вара въ Тевтобургскомъ лѣсу нѣсколько умѣрило, охладило эти мечты, но не уничтожило ихъ, и дѣятельность самого Вара служить лучшимъ доказательствомъ этихъ обманчивыхъ надеждъ и расчетовъ. Римляне хотѣли упрочить за собой страну путемъ военныхъ постовъ и колонизаціи, которые и должны были служить проводникомъ римскаго вліянія. Самыми обширными опытами римской колонизаціи б. *agri decumantes*, представлявшіе по словамъ Тацита какъ бы заливъ въ глубь варварства. Такъ назывались земли, лежавшія между верховьями Рейна и Дуная и защищенныя непрерывною цѣпью укрѣпленій, откуда римскіе гарнизоны безопасно могли выступать впередъ, въ глубь Германіи. Подобныя же, хотя и менѣе безопасныя поселенія были устроены на нижнемъ Рейнѣ; они носили названіе *limes transaënanis* и со времени Адриана были обнесены сплошной стѣной изъ деревянныхъ брусевъ и камней. Этими поселеніями римское правительство думало закрѣпить за собой Германію, и, дѣйствительно, на первый разъ это дѣло казалось возможнымъ: римляне не разъ давали германскимъ племенамъ ихъ князей. Параллельно военнымъ поселеніямъ и съ неменьшимъ успѣхомъ содѣйствовало романизаціи германскихъ племенъ и торговля. Не взирая на всевозможныя опасности, грабежи и убійства, римскіе купцы заходили далеко въ глубь Германіи, дальше, чѣмъ куда могло проникнуть римское оружіе. Въ пограничныхъ пунктахъ были открыты рынки для постоянной торговли съ сосѣдними племенами, и скоро сарматы и германцы стали шить себѣ одежды изъ тканей, приготовляемыхъ на фабрикахъ Италіи и Галліи. Но всего болѣе римлянъ и германцевъ сближали союзы, заключаемые римлянами съ отдѣльными племенами. Союзы эти имѣли различный характеръ смотря по условіямъ договора и обстоятельствамъ, при которыхъ они возникали. Въ этихъ союзахъ германцы становились относительно Рима или *socii* или *hospites* и *foederati*; въ первомъ случаѣ они занимали до извѣстной степени

равноправное положеніе и обязывались только помогать римскимъ легіонамъ въ защищеніи границъ; во второмъ, они должны были нести опредѣленныя повинности и платили Риму подать естественными продуктами своей страны или воинами. Благодаря этимъ союзамъ, въ римскихъ войскахъ появляются германцы, которые потомъ, возвращаясь на родину, переносятъ туда вмѣстѣ съ собой понятія и привычки, пріобрѣтенныя ими на римской службѣ. Такъ извѣстный намъ побѣдитель Вара Арминій долгое время служилъ въ римскихъ войскахъ и получилъ здѣсь званіе не только римскаго гражданина, но и всадника. Таковъ же былъ и знаменитый вождь маркоманновъ Марбодь: успѣхомъ въ замыслѣ образовать крѣпкое государство изъ разъединенныхъ племенъ онъ обязанъ былъ своему пребыванію въ Римѣ.— Съ другой стороны, не проходило безслѣдно знакомство съ германцами и для Рима. Германцы въ первое время не могли пробиться въ предѣлы имперіи оружіемъ, но за то они проникали туда цѣлыми племенами, и это переселеніе началось еще до начала имперіи. Уже Юлій Цезарь нашелъ въ Галліи нѣсколько германскихъ племенъ и не счелъ нужнымъ изгонять ихъ,—а Октавій Августъ,—первый римскій императоръ,—переселилъ въ Галлію цѣлое племя торинговъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, тѣснимые врагами, убіи переходятъ Рейнъ съ разрѣшенія Римскаго правительства и основываются на римскомъ берегу; при Тиверіи сюда же является до 40,000 сикамбровъ. Затѣмъ, тысячи плѣнныхъ, которые въ безпрестанныхъ войнахъ приводились изъ Германіи въ римскія провинціи и поселялись тамъ въ качествѣ рабовъ или подданныхъ, и вспомогательные когорты варваровъ, находившіяся на римской службѣ, оставляли не малый осадокъ варварства на римской почвѣ. До эпохи императора Каракаллы, сдѣлавшаго всѣхъ свободныхъ подданныхъ имперіи римскими гражданами, эти варвары - переселенцы легко роднились съ туземцами, потому что браки имъ были запрещены только съ римскими гражданками, и такимъ образомъ сливались съ римскимъ населеніемъ, внося въ него свои національные элементы. Этимъ и объясняется отвѣтъ германскаго племени убіевъ своимъ соплеменникамъ теукрамъ, убѣждавшимъ ихъ разрушить Кельнъ (*Colonia Agrippina*) и перерѣзать римлянъ, тамъ жившихъ: „мы не можемъ

этого сдѣлать; мы не можемъ убить нашихъ родителей, братьевъ и дѣтей“.

Во второй половинѣ 2 вѣка между германскими варварами произошло необыкновенное движеніе, совершенно измѣнившее какъ этнографическую карту германскихъ народностей, такъ и ихъ отношеніе къ имперіи. Германскія племена въ это время массами начинаютъ двигаться съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ. Одни племена при этомъ исчезаютъ, другія появляются вновь, но главное значеніе этого движенія состояло въ томъ, что послѣ него вмѣсто разъединенныхъ, разрозненныхъ племенъ мы находимъ въ Германіи совершенно новые и притомъ крупные племенные союзы. Полагаютъ, что причиной этого движенія было выселеніе готовъ,—тоже нѣмецкаго племени,—изъ Скандинавіи. Переправившись на берега Балтійскаго моря, готы раскинулись по берегамъ Чернаго моря и вытѣснили племена, встрѣчавшіяся имъ по пути, которыя въ свою очередь прорвали римскіе границы и двинулись въ области имперіи. Прямымъ послѣдствіемъ этого движенія для римлянъ была продолжительная 18-ти-лѣтняя война, въ которой нашель смерть лучшей изъ римскихъ императоровъ Маркъ Аврелій. Послѣ окончанія этой войны хаотическое движеніе германскихъ племенъ на время улеглось, но римляне увидѣли предъ собою новую Германію, со всѣмъ не похожую на Германію Тацита. На нижнемъ Рейнѣ и далѣе до Эльбы вмѣсто тѣхъ мелкихъ племенъ, которымъ римляне давали имя германцевъ, явилась могущественная конфедерація франковъ, образовавшаяся изъ соединенія различныхъ народностей сѣверо-западной Германіи. Ученые различнымъ образомъ толкуютъ имя франковъ: производятъ его и отъ тевтонскаго слова: *franc*, что значитъ блуждающій, и отъ однокореннаго съ современнымъ нѣмецкимъ: *frei* „свободный“; но, кажется, правильнѣе названіе франкскаго союза производить отъ слова: *franc*, обозначавашаго употребительное у этихъ племенъ орудіе,—метательное копье съ зазубринами, называвшееся также франкисской или франкой. Въ первый разъ имя франковъ встрѣчается въ 241-мъ году въ припѣвахъ солдатской пѣсни галльскихъ легионовъ, отправлявшихся на Востокъ для борьбы съ персами. Народъ воинственный и храбрый, франки направили свои усилія на Галлію и въ послѣдствіи сдѣлали ее своей родиной.—Къ

сѣверу отъ франкской федераціи на устьяхъ Эльбы возникъ союзъ саксовъ, въ который между другими племенами входили и англѣ, такъ что саксы позднѣе назывались англо-саксами. Имя свое саксы, какъ и франки получили отъ особаго орудія, имѣвшаго видъ остроконечнаго ножа и носившаго названіе сакса (sax). Саксы распространили свое нарѣчіе и права между всѣми жителями сѣверной Германіи и въ ряду прочихъ нѣмецкихъ племенъ отличались привязанностью къ своимъ старымъ порядкамъ. Къ югу между Дунаемъ и Рейномъ помѣстился союзъ аллемановъ; въ этотъ союзъ вошли свейскія племена, усиленныя остатками многихъ другихъ племенъ: аллеманы, какъ показываетъ самое названіе—это люди всякаго рода, всякій сбродъ. Наконецъ, четвертымъ и самымъ могущественнымъ былъ союзъ готовъ, раскинувшихся на нижнемъ Дунаѣ и по берегамъ Чернаго моря. Слово: „готы или геты“ значитъ: господа. Долгое время эти господа были сосѣдями славянъ, но когда среди славянъ началось сильное движеніе, готы расселились по тремъ направленіямъ: къ юго-западу, югу и западу, тогда же, вѣроятно, произошло раздѣленіе готовъ на ост-готовъ и вестготовъ.

Новая объединившаяся въ союзы Германія заявила о себѣ ожесточенной борьбой съ Римомъ. Франки вторглись въ Галлію, аллеманы угрожали Италіи; готы опустошали берега Чернаго моря и сухопутными набѣгами заходили въ Фракію и даже въ самую Грецію. Нуженъ былъ цѣлый рядъ упорныхъ войнъ, чтобы повсюду отразить натискъ варваровъ и заключить съ ними союзы... Къ счастью для римской имперіи съ половины II-го вѣка на ея тронъ восходятъ люди, которые, не отличаясь выдающимися административными талантами, были отличными знатоками военнаго дѣла и вслѣдствіе этого стояли въ уровень съ потребностями эпохи; они избирались легіонами изъ числа опытныхъ полководцевъ и свое царствованіе преимущественно проводили въ лагеряхъ, многіе изъ нихъ даже не бывали въ Римѣ за все время своего управленія. Но всѣ ихъ усилія, всѣ походы не въ состояніи уже были повернуть внѣшнія дѣла имперіи къ тому положенію, въ какомъ они находились до половины II-го вѣка,— и хотя этими походами союзы съ германскими племенами снова были восстановлены, однако же нельзя не замѣтить,

что отношенія между варварами и Римомъ теперь существенно измѣнились и при томъ не въ пользу послѣдняго. Римская колонизація за предѣлами имперіи была уничтожена и уже болѣе не возобновлялась; самыя римскія границы отступили назадъ; Дакію приобрѣли готы; *agri decumantes*—заняты аллеманами. И насколько слабѣе Римъ давалъ себя чувствовать въ предѣлахъ варварскаго міра, настолько легче онъ самъ поддавался воздѣйствію варваровъ. Германцы теперь еще большими толпами, чѣмъ прежде переселяются въ области имперіи; такъ при Галеріи цѣлое племя карповъ перешло на правый, римскій берегъ Дуная и поселилось тамъ; Константинъ великій принялъ въ Паннонію сарматское племя ягизовъ и болѣе 300000 вестготовъ разселилъ по Фракіи, Македоніи и Италиі. Въ Галліи племя салійскихъ франковъ получило позволеніе отъ импер. Юліана окончательно владѣть тѣми землями, какія они захватили на римскомъ берегу Рейна. Такимъ образомъ по всей сѣверо-западной границѣ римская имперія постепенно населялась варварами, германизировалась, при чемъ эти вновь поселившіеся варвары теперь уже не сливались съ туземнымъ населеніемъ и не теряли своей національности, какъ это было при Августъ и Тиверіи. Конституція Каракаллы, признавшая провинціаловъ гражданами, сдѣлала невозможными браки между варварами и римскимъ населеніемъ провинцій, а имп. Валентиніанъ прямо объявилъ за такіе браки смертную казнь. Значитъ, самъ законъ шелъ на встрѣчу гибели имперіи, препятствуя обращенію варваровъ въ римлянъ и помогая имъ сохранить свою національность.

Посмотримъ, на какихъ основаніяхъ существовали теперь внутри имперіи эти варварскіе поселенцы?

Первое мѣсто между ними занимали союзныя племена; они сохранили свой бытъ, свое внутреннее устройство, свои привычныя порядки. Римская администрація въ ихъ дѣла не вмѣшивалась; все ихъ отношеніе къ имперіи ограничивалось признаніемъ ея верховной власти и легко выполняемой ими обязанностью выставлять вспомогательныя когорты. Это были какъ бы варварскіе оазисы на пространствѣ кореннаго населенія римской имперіи, маленькія варварскія республики со своимъ особеннымъ строемъ жизни и съ ничтожною зависимостью отъ центральной имперской власти, и вотъ та-

кіе-то оазисы непрерывною цѣпью покрывали теперь главные границы имперіи. Въ иныхъ условіяхъ находились варварскіе военно-плѣнные; если они были захвачены во время боя и съ оружіемъ въ рукахъ, то они продавались въ рабство съ публичнаго торга, и ихъ положеніе, затѣмъ, ничѣмъ уже не отличалось отъ положенія рабовъ. Тѣ же изъ военно-плѣнныхъ, которые сдавались безъ боя, составляли особенный классъ людей, извѣстный подъ именемъ *dedititii* (дeditиціи). *Dedititii* въ сущности были рабами, но рабами не отдѣльныхъ личностей, а всей имперіи: они обречены были на вѣчно зависимое положеніе, лишены надежды получить права римскаго гражданства, и надъ ними всегда тяготѣли тотъ позоръ и презрѣніе, какое вызывалось въ древнемъ мірѣ словомъ „рабъ“. Императору Пробу первому пришла въ голову мысль обратиться къ этому классу за пополненіемъ легионовъ, и онъ сдѣлалъ это съ большою осторожностью, набравъ изъ нихъ корпусъ до 600 человекъ. Преемники Проба не держались этой осторожности, и скоро римская армія такъ наполнилась варварами, что исчезло всякое различіе между римскими легионами и вспомогательными когортами. Римская армія сдѣлалась по своему составу на столько же варварскою, насколько стали таковыми и римскія границы по своему населенію. Но былъ еще одинъ классъ варваровъ, вращавшихся внутри имперіи; — это добровольные выходцы изъ Германіи, искатели приключеній и счастья. Въ числѣ этихъ выходцевъ въ имперію являлись уже не одни простые люди; туда шли во множествѣ люди знатнаго происхожденія, даже царскаго рода, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ тѣмъ, что они называли „*romanitas*“, чтобы выучиться латинскому языку и поискать удачи на службѣ имперіи. Само римское правительство не мало благопріятствовало этимъ добровольнымъ переселеніямъ варваровъ въ свои провинціи; имъ отводились извѣстныя земли, семейства ихъ селились деревнями, поселенцамъ давался скоть и необходимый хозяйственный инвентарь, для ихъ устроился лагерь въ видахъ военныхъ упражненій и школа для обученія латинскому языку. Въ этомъ случаѣ римское правительство хотѣло пріобрѣсти даровыхъ работниковъ на свои малонаселенныя или по какимъ-либо причинамъ обезлюдѣвшія земли; но варвары не довольствовались этимъ только

положеніемъ; начиная съ военной службы они постепенно пробирались на высшія административныя должности имперіи, и въ IV-мъ вѣкѣ мы видимъ ихъ уже повсюду, во всѣхъ сферахъ не только военного, но и гражданскаго управленія. Извѣстно, что Юліанъ Отступникъ сильно порицалъ своего дядю Константина Великаго за то, что онъ открылъ варварамъ широкій доступъ къ высшимъ въ имперіи чинамъ, но самъ же онъ далъ курульное кресло одному готу. Трудно уже было противиться общему ходу событій и загородить варварамъ дорогу въ имперію.

Къ концу разсматриваемаго періода между варварствомъ и имперіей является новая, духовная связь, которая еще болѣе должна была содѣйствовать ихъ взаимному сближенію и слянію. Я разумю распространеніе христіанства среди варваровъ. Первымъ варварскимъ народомъ, принявшимъ христіанство, были готы; въ набѣгахъ на имперію, и въ особенности на ея азіатскія провинціи, предпринятыхъ этимъ племенемъ въ III-мъ вѣкѣ, готы вводили внутрь своей страны массу плѣнниковъ—христіанъ, которые и сдѣлались орудіемъ обращенія ихъ въ христіанство. Благодаря проповѣди христіанскихъ плѣнниковъ, среди готовъ скоро образовалась небольшая христіанская община, и первымъ извѣстнымъ намъ священникомъ ея былъ Евтихій, уроженецъ Каппадокіи, продолжавшій изъ Готіи поддерживать сношенія со своей родной Каппадокійской церковію. Къ началу IV-го вѣка у этой общины являются уже свои епископы; въ числѣ отцовъ, засѣдавшихъ на первомъ вселенскомъ соборѣ уже значится Теофилъ, еп. готскій. Однако, истиннымъ просвѣтителемъ готовъ, окончательно утвердившимъ среди нихъ христіанство, считается Ульфила. Родители Ульфила происходили изъ Каппадокіи и были уведены въ плѣнъ готами; среди готовъ Ульфила родился и выросъ, такъ что готскій языкъ для него былъ такимъ же роднымъ языкомъ, какъ и греческій. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ отправился въ Константинополь въ качествѣ члена посольства къ Константину Великому и здѣсь посвященъ былъ въ епископы. Возвратившись къ готамъ, онъ принялся за переводъ Св. Писанія на готскій языкъ и съ этою цѣлію изобрѣлъ азбуку, заимствовавъ большую часть буквъ изъ греческаго алфавита. Онъ перевелъ все Св. Писаніе, исключая книги царствъ, съ ко-

торой онъ боялся знакомить готовъ, чтобы не возбудить и безъ того слишкомъ воинственнаго ихъ характера. Съ этихъ поръ проповѣдь Евангелія пошла еще успѣшнѣе, и число обращенныхъ замѣтно росло. Самъ Ульфилла пользовался громаднымъ вліяніемъ среди готовъ: его называли новымъ Моисеемъ, и онъ былъ какъ бы главою національной готской церкви. Отъ готовъ христіанство начало, хотя и весьма медленно, переходить къ сосѣднимъ съ ними племенамъ сарматскимъ, и быть можетъ, новая религія оказалась бы той силой, которая окончательно сблизила бы Римъ и варварство, но прежде чѣмъ христіанскіе миссіонеры успѣли проникнуть въ глубь варварскихъ племенъ, эти послѣдніе еще разъ были насильственно сдвинуты съ мѣста.— Причина, которая не дала совершиться мирному сліянію, заключалась въ варварскихъ полчищахъ, вышедшихъ изъ Азіи и открывшихъ своимъ движеніемъ эпоху великаго переселенія народовъ. То были гунны.

А. Спасскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).
